

О. А. Дроздов

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Конечная цель модернизации экономики, согласно определению Президента Российской Федерации Д. А. Медведева, — «благополучие и высокое качество жизни граждан», обеспечиваемые преимущественно «интеллектуальными ресурсами: инновационной экономикой, создающей уникальные знания, экспортом новейших технологий, экспортом продуктов инновационной деятельности» [1]. При этом теоретические основы разворачивающейся модернизации остаются не вполне ясными; однако некоторые из этих основ можно идентифицировать. По-видимому, инициаторы модернизации полагают, что, сохраняя в неприкосновенности социально-экономический тип общественного устройства РФ и реализовав совокупность национальных проектов, возможно усовершенствовать структуру экономики страны. Последнее обеспечит условия для устойчивого экономического роста, который, в свою очередь, приведет к повышению уровня и качества жизни населения. Синхронная же реализация национальных проектов, коммерциализация сектора социальных услуг создадут мощные стимулы для повышения качества и доступности этих услуг, снизят нагрузку на государственный бюджет, а избирательная (адресная) социальная поддержка населения защитит наименее обеспеченные и наиболее уязвимые социальные слои общества. Наконец, инициаторы российской модернизации вооружились и теорией человеческого капитала, в соответствии с которой именно человеческий капитал является ключевым фактором экономического роста, а инвестиции в этот капитал — решающим инструментом перераспределения доходов («великим уравнителем» доходов).

На наш взгляд, указанные теоретические основания модернизации нуждаются в корректировке по многим причинам, из которых выделим лишь некоторые. Во-первых, защищаемый российской политической элитой экономический строй общества по своей природе не способен обеспечить существенное повышение качества жизни *широких* слоев населения, так как воспроизводит высокий уровень нищеты и углубляет неравенство доходов. В частности, по официальным данным, в I полугодии 2010 г. в РФ 19,1 млн человек (13,6% от общей численности населения, т. е. каждый седьмой житель страны) имеют денежный доход ниже величины прожиточного минимума [2]. В период с 1992 по 2010 г. в РФ численность населения, имеющая денежный доход ниже величины прожиточного минимума, ни разу не преодолела порог 13,2% [3].

Но это — официальные статистические сведения, существенно занижающие действительные масштабы бедности в РФ. Они получены на основе использования явно уста-

Олег Александрович ДРОЗДОВ — канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории Экономического факультета СПбГУ. В 1994 г. окончил педагогический факультет Гуманитарной академии вооруженных сил. В 1998 г. защитил кандидатскую диссертацию. Сфера научных интересов — история экономической мысли, теории денег и кредита, финансовый анализ. Автор более 30 научных статей и 4 монографий (в том числе 2 индивидуальных монографий).

© О. А. Дроздов, 2011

решшего теоретического представления о нищете, а именно на базе концепции абсолютной бедности, четко сформулированной еще в XIX в. и доминировавшей в экономической науке и социальной политике в первой половине XX в. Согласно указанной концепции, абсолютная бедность проявляется в неспособности человека на текущие денежные доходы удовлетворять основные потребности в пище, одежде, жилище. Абсолютно бедным считается человек, доходы которого находятся ниже некоторого официально установленного минимума (черта бедности). Последний устанавливается исходя из минимального перечня основных потребностей человека (прожиточного минимума) и размера ресурсов, необходимых для удовлетворения этих потребностей. В современной России (как и во многих странах бывшего СССР и в странах «третьего мира») в статистической практике используется одна из версий концепции абсолютной бедности — *the cost-of-basic-needs method* — и черта (граница) бедности определяется величиной прожиточного минимума¹.

Более реалистичным подходом к оценке масштабов бедности населения является концепция относительной бедности. В последней домашнее хозяйство (человек или семья) признается бедным в том случае, если располагаемый доход не позволяет людям иметь образ и уровень жизни, достигнутые в том обществе, в котором они живут. Реализация на практике этой концепции проявляется в том, что при определении черты бедности используется та или иная пропорция от величины среднего или медианного личного располагаемого дохода. В большинстве развитых стран национальная граница бедности является относительной. В частности, в Европейском союзе порог бедности определяется как уровень в 60% от среднего дохода по странам. Очевидно, что при реализации постулатов концепции относительной бедности число малоимущих жителей в нашей стране возрастет в несколько раз. В частности, по мнению Председателя Совета Федерации Федерального собрания РФ С. М. Миронова, высказанному еще в октябре 2008 г., «официальная статистика существенно занижает масштабы бедности российского населения»; «реально бедных в России никак не менее трети населения. Причем не менее половины российских нищих — это не пенсионеры, бомжи, алкоголики и безработные, а работающие бедные. Феномен, невиданный в развитых странах» [4]. Он полагает, что в России за чертой бедности находятся 42–45 млн человек.

В современных же представлениях («депривационный подход») нищета трактуется как многофакторный феномен, характеристиками которого являются не только уровень дохода человека, но и совокупность неэкономических показателей (оценивающих, прежде всего, различного рода лишения, ограничения, недоступность — в медицинской помощи, в получении образования, в мобильности и проч.). Подход этот стал активно развиваться с 1970-х годов благодаря усилиям исследователей Лейденского университета (Нидерланды) и в настоящее время активно пропагандируется ООН². Особенностью современной трактовки бедности (в отличие от ранних версий депривационно-

¹ В рассматриваемой концепции разработаны три подхода к определению национальной границы нищеты. *The cost-of-basic-needs method* заключается в том, что черта бедности проводится на уровне денежной оценки базовых потребностей человека (продуктовых и непродуктовых). В *the food-energy method* определение границы нищеты основывается на измерении энергетических потребностей человека в продуктах питания. При реализации *the food-share method* чертой бедности считается доля расходов на минимальную продовольственную корзину в стоимости всей потребительской корзины.

² «Нищета — это не только отсутствие дохода, — отмечается в Докладе Генерального секретаря ООН на 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, — это также отсутствие медицинского обслуживания, образования, доступа к участию в политической жизни, достойной работы и безопасности. Все эти факторы взаимосвязаны, они требуют комплексного подхода для обеспечения эффективности усилий по сокращению масштабов нищеты» [20, с. 8].

го подхода) является то, что бедность здесь предстает как *отсутствие возможностей* для удовлетворения первостепенных потребностей человека в тесной взаимосвязи с его возрастом, состоянием здоровья, образованием и т. д. В этом подходе широкое распространение получили «индексы нищеты населения» для развивающихся стран (*HPI-1*) и развитых стран (*HPI-2*)³. Согласно оценке экспертов Программы развития ООН (ПРООН), содержащейся в «Докладе о развитии человека 2009», РФ по индексу *HPI-1* занимала 32-е место среди 135 стран, по которым рассчитывался этот показатель. За Россией следовали, в частности, Ливан (33-е место) и Колумбия (34-е место) [5, с. 176].

В РФ, одновременно с устойчивым воспроизводством нищеты населения, прогрессирует неравенство доходов: коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов) с 2000 по 2009 г. возрос с 13,9 до 16,7 раз [6]. В I полугодии 2010 г. на долю 10% наиболее обеспеченного населения приходилось 30,2% общего объема денежных доходов, а на долю 10% наименее обеспеченного населения — 1,9% [7].

Итак, экономический строй России устойчиво воспроизводит высокий уровень нищеты и углубляет неравенство доходов населения. Поэтому, по нашему мнению, речь должна идти не об адаптации сложившейся российской экономической модели капитализма к изменившимся условиям для обеспечения ее долгосрочной стабильности, а о системной модернизации страны. Однако предложения ученых и политиков хотя бы о формировании более справедливой системы налогообложения (использовании прогрессивной шкалы налогообложения) под различными предлогами отвергаются исполнительной властью страны. Между тем результаты исследований, проведенных в 2002–2006 гг. в Латинской Америке, говорят о том, что даже незначительное перераспределение доходов через прогрессивное налогообложение в совокупности с целевыми социальными программами в гораздо большей степени снижает уровень бедности, нежели устойчивый экономический рост, сочетающийся с очень неравномерным распределением дохода и благосостояния [8, с. 121].

Целесообразность корректировки теоретических основ современной модернизации экономики обуславливается и необходимостью выбора ее целевых ориентиров, исходя из современных достижений экономической науки. В экономической теории и, соответственно, в экономической практике понятия «благосостояние населения» и «качество жизни населения» трактуются далеко не однозначно и остаются по-прежнему дискуссионными. Вместе с тем, очевидно, устарел подход (рисунок), в соответствии с которым качество жизни и благосостояние населения объявляются тождественными понятиями, а их главным критерием выступают количественные показатели материального благосостояния (величина среднедушевого ВВП, величина реальных располагаемых доходов и проч.).

В современной экономической науке, при всех нюансах взглядов, под качеством жизни подразумевается всесторонняя характеристика благосостояния, свобод, социального

³ Индекс *HPI-1* — комплексный показатель, отражающий масштабы нищеты по трем компонентам (здоровье и долголетие, образование (знания) и достойный уровень жизни населения). Формируется он на основе расчета четырех индикаторов. С ноября 2010 г. Программа развития ООН, для оценки нищеты в развивающихся странах, вместо индекса *HPI-1* ввела новый международный показатель измерения бедности — *MPI* («Многомерный индекс бедности»; «Индекс многомерной бедности»). *MPI*, в отличие от *HPI-1*, учитывает «множественные депривации» и лишения домашних хозяйств по трем вышеуказанным компонентам с использованием 10 индикаторов (подробнее см. [21, с. 96, 215, 221–222]). Научным сообществом, насколько нам известно, еще не дана развернутая оценка реалистичности и объективности показателя *MPI* и, соответственно, не подтверждена его аналитическая ценность. Именно поэтому в настоящей статье не используются данные по показателю *MPI*.

Эволюция оценки качества жизни.

Источник [9, с. 15].

и духовного развития человека, расширяющих возможности реализации человеческого потенциала. Соответственно, уровень качества жизни населения идентифицируется с совокупностью множества количественных и качественных, в том числе неэкономических, показателей (трудовой жизни; развития способностей людей; семейной жизни; быта и поддержания здоровья; жизни нетрудоспособных членов общества; досуга; окружающей среды и проч.). Особое значение для характеристики качества жизни населения приобрели «Показатели развития человека (человеческого развития)», разработанные в рамках концепции человеческого развития⁴. Эти показатели дают комплексную оценку

⁴Концепция человеческого развития динамично развивается, что проявляется в том числе в существенной корректировке самих показателей развития человека и методологии их определения, а также в изменении перечня этих показателей. В частности, в 2009 г. ПРООН определяла пять индикаторов (и их динамику) развития человеческого потенциала («Индекс развития человеческого потенциала» (ИРЧП); *HPI-I*; «Индекс нищеты населения для стран — членов ОЭСР»; «Индекс развития с учетом

уровня качества жизни населения, позволяют проводить межстрановые сопоставления (в 2009–2010 гг. специалисты Программы развития ООН (ПРООН) оценивали более 190 стран) и использовать их в национальном стратегическом планировании. Ведущее место в совокупности этих показателей отводится «Индексу развития человеческого потенциала» (далее — ИРЧП) — комплексному индексу, определяющему уровень средних достижений страны по трем основным направлениям в области развития человеческого потенциала: состоянию здоровья и продолжительности жизни, знаниям (образованию) и достойному уровню жизни⁵.

Представления же политического руководства России о благосостоянии и качестве жизни населения, как это мы понимаем, отражает ключевой документ стратегического прогнозирования в РФ — «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (в редакции 2009 г., далее — «Концепция. . .»). На первый взгляд разработчики «Концепции. . .» (и, соответственно, лица, ее утвердившие) полностью разделяют основные положения концепции человеческого развития: значительная часть указанного документа терминологически близка к концепции человеческого развития (достаточно сказать, что здесь целый раздел посвящен развитию человеческого потенциала), целевые ориентиры, отражающие важнейшие социальные показатели, во многих случаях совпадают с показателями, используемыми ПРООН. Вместе с тем, по нашему мнению, взятая в «Концепции. . .» на вооружение терминология игнорирует саму суть современной концепции качества жизни. Если ПРООН при идентификации уровня качества жизни населения страны использует совокупность показателей развития человека (среди которых особое место принадлежит ИРЧП), то в «Концепции. . .» обобщающим показателем уровня жизни является валовой внутренний продукт на душу населения по паритету покупательной способности, который должен возрасти «с 13,9 тыс. долл. США в 2007 г. (42% от среднего уровня государств — членов Организации экономического сотрудничества и развития) до более чем 30 тыс. долл. США в 2020 г. (70%)» [10]. На наш взгляд, выдвигание уровня доходов в качестве приоритетного, главного конкретного целевого ориентира в достижении современных стандартов благосостояния, во-первых, отражает представления о каче-

гендерного фактора»; «Показатель расширения возможностей женщин») и совокупность дополнительных показателей развития человека (демографические тенденции; показатели неравенства доходов, мобильности, здоровья (в том числе заболеваемость ВИЧ) и проч.). В ноябре 2010 г. ПРООН в качестве индикаторов развития человеческого потенциала были представлены: ИРЧП; «Индекс развития человеческого потенциала, скорректированный с учетом неравенства» (ИРЧПН); «Индекс гендерного неравенства»; *MPI*. Эти индикаторы дополняются комплексом дополнительных показателей («расширения прав и возможностей»; «устойчивости и уязвимости»; «человеческой безопасности»; «восприятия индивидуального благосостояния и благополучия» и др.). При этом методика определения ИРЧП претерпела существенные изменения, что обуславливает несопоставимость ИРЧП, рассчитанного в 2010 г. с ИРЧП, вычисленными в предшествующие годы (подробнее методики определения и динамики показателей см. [5, с. 143–208; 21, с. 137–222]). Среди прочих новаций — выдвигание на передний план показателя ИРЧПН (значение ИРЧП, «скорректированное с учетом неравенства в трех основных измерениях развития человека»: в распределении среди населения ожидаемой продолжительности жизни, количества лет образования и дохода).

⁵В «Докладе о развитии человека 2009» РФ было присвоено 71-е место среди стран, входящих в рейтинг ПРООН по ИРЧП, в «Докладе о развитии человека 2010» — 65-е место. Столь значительный прогресс обусловлен в первую очередь изменением методологии определения ИРЧП. Вместе с тем нельзя не отметить того, что значение ИРЧП РФ (по методологии 2010 г.), хотя и неравномерно, возросло с 0,692 в 1990 г. до 0,719 в 2010 г. Однако ПРООН относит РФ (наряду с «некоторыми государствами Африки к югу от Сахары» (к примеру, Кот-д'Ивуар) и «некоторыми странами с более высоким начальным уровнем развития человека», — Непал, Оман, Тунис) к группе стран, характеризующихся «неэффективными» процессами в области человеческого развития (т. е. «не отличающихся ни высоким экономическим ростом, ни высокими показателями в сфере развития человека») [21, с. 54–55, 149].

стве жизни конца XX в. Во-вторых, такой подход со всей очевидностью демонстрирует рассогласование между теоретическими представлениями политической элиты РФ и современной концепцией развития человека (КРЧ). Показатель «ВВП на душу населения по паритету покупательной способности» (ВВП по ППС) действительно используется при формировании показателя ИРЧП (он является основой определения значения одного из трех компонентов ИРЧП — «достойного уровня жизни»), однако здесь он не является ключевым и первостепенным (хотя и имеет большое значение). Вообще же между показателями ВВП по ППС и ИРЧП в КРЧ имеется принципиальное различие. «Однако важно сознавать, — указывает один из создателей КРЧ К. Гриффин, — что ИРЧП и ВВП на душу населения измеряют вовсе не одно и то же. ВВП на душу населения призван быть показателем благосостояния, утилитарного, или экономического, благополучия, тогда как индекс развития человеческого потенциала — это попытка измерить уровень человеческих возможностей. Благосостояние и возможности — разные вещи» [11, с. 27–28].

В «Концепции...» ВВП по ППС трактуется как показатель материального благосостояния, материального благополучия населения страны. В КРЧ же ВВП по ППС толкуется иначе — это индикатор расширения лишь экономических возможностей человека, которые, к тому же, вовсе не всегда могут быть реализованы. В действительности рост национального богатства не одинаково отражается на благополучии всех членов общества в первую очередь из-за неравномерного распределения доходов, богатства и ресурсов. ВВП по ППС маскирует диспропорции в распределении дохода, ресурсов и богатства, в потреблении и, соответственно, скрывает ограничения (нередко усиливающиеся) в реализации людьми своего потенциала. Но самое главное заключается в том, что в КРЧ социально-экономические изменения должны обеспечивать расширение возможностей *каждого человека* реализовать свой потенциал (прожить долгую и здоровую, полноценную творческую жизнь, приобрести и приумножить знания, иметь доступ к ресурсам, необходимым для достойного уровня жизни, реализовать свои права и свободы), в этом суть развития человека, повышения качества его жизни. Между тем люди, даже при увеличении ВВП по ППС, могут и не получить хорошо оплачиваемые рабочие места из-за отсутствия регистрации в населенном пункте либо из-за недоступности жилья; они даже при имеющихся финансовых ресурсах могут и не открыть свое дело из-за существующих в обществе административных ограничений; ввиду имеющегося в обществе гендерного неравенства женщины не всегда могут заниматься определенными видами деятельности и получать доход, аналогичный доходам мужчин. Молодые люди даже в условиях поступательного роста ВВП по ППС могут и не дожить до 40 лет из-за отсутствия доступа к необходимым им медицинским услугам. В 2007 г. в России ВВП по ППС составлял 14 690 долл. США, в Болгарии — 11 222 долл. США [5, с. 172]. Однако ожидаемая продолжительность здоровой жизни при рождении в РФ составляла 60 лет, в то время как в Болгарии — 66 лет [12, с. 48, 52]. Итак, увеличение ВВП по ППС может способствовать расширению возможностей человека, а может и не способствовать этому. С другой стороны (как мы видим на примере Болгарии), даже при относительно невысоком ВВП по ППС можно создать условия для развития и успешной реализации человеческого потенциала большинством членов общества (прежде всего, добиваясь снижения дифференциации населения по доходам, богатству, распределению ресурсов, ликвидируя множественные ограничения и лишения, характерные для конкретных стран, и т. д.). Именно это в определенной степени учитывается и отражается совокупностью показателей человеческого развития ПРООН.

По нашему мнению, показатели развития человека ПРООН хотя и не безупречны и далеки от совершенства (нам известны их изъяны и мы не склонны идеализировать эти показатели), однако в гораздо большей степени отражают реальный уровень качества жизни населения страны, чем ВВП по ППС с сопутствующими ему индикаторами. Даже отдельно взятый ИРЧП, в котором ВВП по ППС призван отражать развитие экономической базы для роста возможностей реализации человеческого потенциала (но не результаты реализации возможностей!), более реалистично идентифицирует достижения и изменения в качестве жизни населения страны. В частности, в 2007 г. ИРЧП Болгарии (при меньшем, чем у РФ, ВВП по ППС, как отмечалось выше) составил 0,840 (61-е место в рейтинге ПРООН), в то время как в России ИРЧП достиг лишь 0,817 (71-е место в рейтинге ПРООН) [5, с. 172].

Сказанное выше вызывает вопрос о возможности достижения современных стандартов качества жизни населения при опоре на целевые ориентиры, основанные на устаревшей концепции благосостояния и качества жизни населения. На этот вопрос вряд ли возможен положительный ответ. Именно поэтому, на наш взгляд, следует внести соответствующие коррективы в целевые ориентиры социально-экономического развития страны.

Отметим еще одно обстоятельство, заставляющее нас усомниться в неуязвимости для критики теоретических основ модернизации экономики современной РФ. На первый взгляд, как мы уже отмечали, «Концепция. . .» вся проникнута духом современной КРЧ: здесь активно используется категориальный аппарат и некоторые индикаторы КРЧ. В действительности же в «Концепции. . .» понятием «человеческий потенциал» подменяется категория «человеческий капитал» (причем в ряде случаев разработчики «Концепции. . .» даже не считают нужным это делать). В частности, в «Концепции. . .» первым среди направлений перехода к «инновационному социально ориентированному типу экономического развития» является «развитие человеческого потенциала России. С одной стороны, это предполагает создание благоприятных условий для развития способностей каждого человека, улучшение условий жизни российских граждан и качества социальной среды, с другой — повышение конкурентоспособности человеческого капитала и обеспечивающих его социальных секторов экономики» [10]. Но это — постулаты теории человеческого капитала, а не КРЧ. В теории человеческого капитала человеческое развитие сводится преимущественно к формированию ресурсов для производительной деятельности (за счет наращивания расходов в образование, здравоохранение и проч.), способных генерировать доход⁶. В КРЧ же подход иной: здесь развитие и реализация человеческого потенциала, будучи двусторонним процессом, заключается, с одной стороны, в формировании человеческих способностей (укрепление здоровья, приобретение знаний, совершенствование профессиональных навыков и т. д.) всего населения, а с другой — *в формировании условий для реализации населением приобретенных способностей не только для производительных целей, но и для отдыха, культурной, политической деятельности и т. д.* Итак, по своей сути, направленности «Концепция. . .» — это программа развития человеческого капитала в России, а не развития и реализации человеческого потенциала. Еще рельефнее идеологические позиции

⁶ «Изначально большинство теоретиков ЧК (человеческого капитала. — О. Д.), — пишет И. Соболева, — . . . придерживались наиболее узкой из всех возможных трактовок этого понятия: относили к нему лишь знания, навыки и компетенции, приобретенные в системе формального образования и непосредственно используемые в целях получения дохода в сфере оплачиваемой занятости. . . Сегодня более популярны расширительные трактовки ЧК: в его состав включается широкая совокупность личностных качеств, мировоззренческих установок, ценностных ориентаций, которые могут оказывать косвенное влияние на результаты производительной деятельности» [22, с. 52].

современного руководства РФ обнажаются при изучении принятого в сентябре 2010 г. «Прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годов» [13] (основанного в том числе и на рассмотренной выше «Концепции. . .»). Здесь уже выброшено даже само понятие «человеческий потенциал», и прогноз ориентирует исполнительную власть вовсе не на развитие человека, а на создание условий для формирования человеческого капитала, т. е. конкурентоспособной личности. Итак, как мы видим, одной из теоретических основ современной модернизации России выбрана достаточно устаревшая теория человеческого капитала (ТЧК).

Но ТЧК рассматривает человека как экономический ресурс, как основной фактор экономического развития, а не как собственно цель и критерий общественного прогресса. В ТЧК доходы и благосостояние владельца человеческого капитала непосредственно зависят от накопленного им человеческого капитала. Таким образом, по сути, согласно теоретическим установкам инициаторов современной модернизации экономики РФ, реальное повышение уровня благосостояния и качества жизни касается лишь «конкурентоспособных личностей», т. е. тех членов нашего общества, которые в состоянии наращивать и активно реализовывать накопленный человеческий капитал. Но способны ли к последнему, к примеру, граждане старше трудоспособного возраста (их свыше 30 млн человек [14]; согласно прогнозу Федеральной службы государственной статистики РФ (до 2030 г.), число таких граждан будет неуклонно увеличиваться и в 2021 г., в зависимости от варианта прогноза, составит от 36 до 38,1 млн человек [15]) и инвалиды (в 2008 г. число инвалидов в нашей стране составило 12,7 млн человек, в том числе 515 тыс. детей, получающих социальные пенсии [16]); могут ли это в будущем осуществить дети, больные психическими расстройствами и расстройствами поведения (в 2008 г. число таких детей, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях, превысило 200 тыс., а консультативно-лечебная помощь оказывалась более 400 тыс. раз [17, с. 31]), и другие социально незащищенные и уязвимые группы населения нашей страны? Безусловно, нет.

К тому же само по себе наращивание расходов на развитие человеческого капитала не решает проблемы его реализации. Дело в том, что, как считал основоположник КРЧ Махбуб уль Хак, этот капитал способен в полной мере проявить себя лишь в определенной среде, благоприятствующей тому, чтобы люди могли наслаждаться долгой, здоровой и созидательной жизнью, иными словами, жить в условиях, в которых человеческий капитал может быть успешно реализован. Учитывая сказанное выше, манифестированной конечной цели модернизации экономики РФ в большей степени соответствует КРЧ, согласно которой, как мы уже отмечали, социально-экономические изменения должны обеспечивать расширение возможностей *каждого человека реализовать свой потенциал*. Последнее обеспечивается преимущественно совершенствованием условий для расширения спектра возможностей интеллектуального, социального, экономического и политического выбора для каждого человека. По-видимому, лишь при подобной концептуальной нацеленности (и последовательном создании соответствующих ей механизмов и инструментария) возможно продвинуться на пути к тому, чтобы, по словам Д. А. Медведева, РФ стала «привлекательной страной, куда будут стремиться люди со всего мира в поисках своей особенной мечты, в поисках лучших возможностей для успеха и самореализации, которые Россия сможет дать всем, кто готов принять этот вызов и полюбить Россию как свой новый или как свой второй дом» [1].

Уязвима и ориентация политической элиты страны на экономический рост как на основной фактор борьбы с бедностью и повышения уровня благосостояния *всего* населе-

ния страны⁷. Исследования показывают, что с 1980-х годов в условиях экономического роста неравенство доходов в большинстве стран, в том числе во многих промышленно развитых странах, стало углубляться (в частности, к 2005 г. в Финляндии, Великобритании, Северной Ирландии коэффициент Джини возрос более чем на 10 пунктов) [18, с. 57–59]. В РФ экономический рост в первом десятилетии XXI в. также сопровождался углублением дифференциации доходов населения: здесь в период с 2000 по 2008 г. коэффициент фондов возрос соответственно с 13,9 до 16,8 раза, коэффициент Джини — с 0,395 до 0,422 [19].

В КРЧ же обосновано, что экономический рост является необходимым, но не достаточным условием (фактором) повышения благосостояния населения. Те модели экономического роста, которые уделяют недостаточное внимание распределению между членами общества выгод от роста экономики, оказывают незначительное влияние на уровень нищеты. Обязательными же условиями повышения уровня качества жизни населения являются: улучшение распределения доходов (прежде всего на основе прогрессивного налогообложения), накопленного богатства и ресурсов; сокращение неравенства в доступе к производственным ресурсам, базовым социальным услугам, возможностям, рынкам и информации; корректировочные и компенсационные меры, призванные устранять существующие несправедливости и диспропорции. Целенаправленное выполнение указанных условий позволяет даже странам с относительно низким уровнем дохода повышать качество жизни населения. К сожалению, последнее инициаторами модернизации экономики России не учитывается⁸.

Таким образом, можно определенно утверждать, что теоретические основы модернизации экономики России нуждаются в пересмотре и в существенной корректировке, с учетом, с одной стороны, современных достижений экономической науки и практики, с другой — необходимости системной модернизации экономического строя страны.

Литература

1. Стенографический отчет о пленарном заседании Петербургского международного экономического форума. 18.06.2010 г. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/8119> (дата обращения: 20.10.2010).

2. О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и численности малоимущего населения в целом по Российской Федерации во II квартале 2010 года. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/210.htm (дата обращения: 02.12.2010).

⁷ «Основными факторами борьбы с бедностью и улучшения благосостояния населения, — утверждается в «Концепции...», — являются высокие темпы экономического роста, и прежде всего создание эффективных рабочих мест и рост заработной платы» [10].

⁸ То, что экономический рост автоматически не приводит к преодолению бедности и может сопровождаться углублением неравенства доходов, признается и руководством РФ. Однако для снижения бедности и дифференциации населения по доходам считается достаточным обеспечить, прежде всего, повышение минимального размера оплаты труда и оплаты труда работников бюджетных организаций, среднего размера трудовой пенсии по старости (но лишь до уровня, обеспечивающего минимальный воспроизводственный потребительский бюджет); повышение эффективности социальной поддержки отдельных групп населения (на основе усиления адресности региональных программ государственной социальной помощи, совершенствования процедур проверки нуждаемости в ней граждан (иными словами, через сокращение, ограничение круга и числа получателей этой помощи), внедрения современных технологий оказания помощи); выравнивание уровня доходов через использование налоговых вычетов, введение налога на недвижимость, зависящего от ее рыночной стоимости [10].

3. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_51g.htm (дата обращения: 11.12.2010).
4. Мнения по проблеме бедности в Российской Федерации // Проблема бедности в Российской Федерации. URL: <http://wbase.duma.gov.ru:8080/law?d&nd=981605670&mark=r981600007> (дата обращения: 17.10.2010).
5. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие: Доклад о развитии человека 2009. М., 2009. URL: http://www.un.org/ru/development/hdr/2009/hdr_2009_complete.pdf (дата обращения: 03.12.2010).
6. Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_11/IssWWW.exe/Stg/d1/07-01.htm (дата обращения: 01.12.2010).
7. Социально-экономическая дифференциация населения. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_01/IssWWW.exe/Stg/d06/3-1-2.htm (дата обращения: 15.08.2010).
8. Ликвидировать разрыв в течение жизни одного поколения. Соблюдение принципа справедливости в здравоохранении путем воздействия на социальные детерминанты здоровья: заключительный доклад Комиссии по социальным детерминантам здоровья ВОЗ. URL: http://whqlibdoc.who.int/publications/2009/9789244563700_rus.pdf (дата обращения: 20.10.2010).
9. *Факрутдинова Е. В.* Качество жизни населения в системе социально-экономических отношений: институциональный подход: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Казань, 2010. URL: <http://vak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/2010/announcements/economich/15-06/FakhrutdinovaEV.doc> (дата обращения: 03.12.2010).
10. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р (в ред. распоряжения Правительства РФ от 08.08.2009 № 1121-р) [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс: Высшая школа: учеб. пособие. Вып. 14. Электрон. дан. 2010. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
11. Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса: учеб. пособие / под ред. проф. В. П. Колесова. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2008.
12. Мировая статистика здравоохранения. 2010 год: ВОЗ. URL: http://www.who.int/entity/whosis/whostat/RU_WHS10_Full.pdf (дата обращения: 04.12.2010).
13. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годов: Министерство экономического развития РФ. 2010. Сентябрь. URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/9eee110044121b6294b8fedc4389b5e3/prog.doc?MOD=AJPERES&CACHEID=9eee110044121b6294b8fedc4389b5e3> (дата обращения: 03.12.2010).
14. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_34/IssWWW.exe/Stg/d1/01-01.htm (дата обращения: 04.12.2010).
15. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года: стат. бюллетень. М., 2010. URL: http://www.gks.ru/doc_2010/bul_dr/progn_09.zip (дата обращения: 03.12.2010).
16. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_34/IssWWW.exe/Stg/d1/02-78.htm (дата обращения: 03.12.2010).
17. Дети в России. 2009: стат. сб. М., 2009. URL: http://www.gks.ru/doc_2009/deti09_rus.pdf (дата обращения: 03.12.2010).
18. Доклад о мировом социальном положении, 2005 год. 60-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. 2005 г. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/60/117> (дата обращения: 02.12.2010).
19. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_32g.htm (дата обращения: 03.12.2010).

20. Проведение Международного дня борьбы за ликвидацию нищеты: Доклад Генерального секретаря ООН. 61-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. 2006 г. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/61/308> (дата обращения: 02.12.2010).

21. Реальное богатство народов: пути к развитию человека: доклад о развитии человека 2010. 20-е, юбилейное издание. М., 2010. URL: http://www.un.org/ru/development/hdr/2010/hdr_2010_complete.pdf (дата обращения: 01.12.2010).

22. *Соболева И.* Парадоксы измерения человеческого капитала // Вопросы экономики. 2009. № 9. С. 51–70.

Статья поступила в редакцию 20 января 2011 г.